

Живет в Киеве (Украина).

МП-247

Загорелый, как тропический джейран,
развалюсь я у бушующего моря.
Пусть мальчишки угоняют дельтаплан,
если силу ветровея переспорят.

Вволю выплавав раскатистую мощь,
из динамика объявит бас тягучий,
что разыскивает принца дальних рощ
пеший Коська с костылём на всякий случай.

Будут грозы щекотать дырявый зонт,
пролетарской сфабрикованный артелью;
зорьку раннюю проглотит мастодонт
и накроет топчаны зловещей тенью.

Коська думает, что будет буриме,

городки, пионербол и велогонки,
только скорбным запоздалым резюме
взмоет к солнышку дымок бензоколонки.

Я разлягусь на ракушечном ковре -
подрумяненный, ка корочка на пицце;
не дождусь твоих шагов - так мошкаре
дам возможность сочной кровью поживиться.

Вертолёт с кошачьей мордой промелькнёт
старомодно кашетированным кадром -
это в нём сидит затравленный пилот
с лёгкой ранкой вместо лоцманской кокарды.

Много гадости впитал в себя пустырь:
хриплый кашель ноября и насморк марта...
Вот и Коська обронил сюда костыль,
где от принца дальних роц осталась мантра.

Он же весь свой стихотворный урожай
посвящал тебе, разбойнику, без повода!
А теперь ты сам как хочешь понимай,
почему над ним вовсю роятся оводы.

МП-789

Краснеет жимолостный ряд.
Бульоны в венах не бурлят.
Видать, пора зверюге чахлому на склад
пробитых лодок, ржавых мин –
авось хоть там кошачий тмин
внесёт в окрестный город новый витамин.

Спешат на громкие дела
дельцы юнее мал мала,
готовы к дракам за количество бабла,
а тут извечно пуст карман,
однако даже Перельман
среди коллег своих не шудра, но брахман.

Походки лёгкой больше нет.
Асфальт катками перегрет,
но не попишешь ничего: то в комитет,
то на центральный стадион
по делу логова мадонн
плетутся ноги под заброшенный уклон.

Был парень – стал диванный червь.
Обои в дымчатой парче
уже не те, что при проворном циркаче;
лишь дальний путь – шестёрка трэф –
в декоре мамонтовых древ
манит, нимало за мой век не постарев.

Всё больше крепких паутин
в углах ведических картин.
Убрать бы в доме – что ты! Сплю, как ламантин...
Мне клумбу косят на венок –
а всё решил один пинок
от скомороха в самый важный позвонок.

Рыжеет дуб под птичью трель
на всю оставшуюся мель
злосчастных тридевяти высохших земель.
Пусть гроыхает Божья месть
над всем, что шавка может съесть,
а мне с таким раскладом дел пора знать честь.

МП-957

Наша песня прекрасна: мне вновь дарят книги.
Брось писать и читай чью-то повесть, как ниггер.
Не обедай, не завтракай, мыться не думай
и стишки сочиняй только в ночь на июль.
Да свободный ли я человек, в самом деле?
Тут уже огурцы вырастают сквозь щели,
надувая пупырышки твердью латунной
из весенних моих седативных пилюль.

Петя Рыбкин за лето сто книг прочёл? Круто.
Люди, белки, ослы! Для чего я пишу-то
эти опусы, вымоченные в рассоле
скипидарной действительности по сей миг?
Вон Билан – для чего? Чтобы слушать Ротару,
прерываясь на час, дабы сдать стеклотару?
Смех и грех... И симфония в чьём-то клаксоне
истолковывается как барский задвиг.

Сорок лет без мечты, как последняя сука,
да ещё угождай всем... Давай отнесу-ка
в мало-мальски доступную библиотеку
всё, что мне на досуге открыть было лень.
Рейсов будет пять-шесть: мне не надобно грыжи.

Так теряется полублондин-полурыжик
для народа, приросшего к менталитету
«дарят – значит бери, и словцом не поддень».

В электричке под чихов всеобщие залпы
я любую газету глазами терзал бы:
там стихи не попишешь, «Ниссан» не поводишь
и вздремнуть на дубовой скамье не дадут.
Но включать тормоза, когда ты на свободе –
это даже хрому слепцу не подходит.
И грядущих стихов моих вялый зародыш
сам отвергнет чужое; иначе – капут...

[Страница автора в Сети](#)

